

Павел Владимирович Красильников – музыковед,
аспирант кафедры истории музыки
Уфимский государственный институт искусств имени Загира Исмагилова
(Уфа, Россия)
PavelPauls@yandex.ru

Pavel V. Krasilnikov – musicologist,
postgraduate student at the Department of Music History
Ufa State Institute of Arts named after Zagir Ismagilov
(Ufa, Russia)
PavelPauls@yandex.ru
ORCID 0009-0003-8457-3171

УДК 78.071.1

DOI 10.61908/2413-0486.2025.43.3.194-208

ПЕСНИ ЯНА ЧЕЧОТА И ТОМАША ЗАНА
(К ИЗУЧЕНИЮ МУЗЫКАЛЬНОГО ПРОШЛОГО
УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА)

Аннотация

В статье дана историческая и художественная оценка песенных образцов совместного творчества представителей польско-белорусской культуры Яна Чечота и Томаша Зана, созданных в годы ссылки на Южный Урал (1828). Автор анализирует песни, которые спустя почти сто лет забвения (1922) собрал по архивным материалам и издал польский филолог Ян Чубек. Научная новизна исследования заключается в том, что данные образцы впервые изучаются в историческом контексте, а также с позиций музыкально-поэтического содержания. Жанры этих песен типичны для университетской молодежи: застольные, любовно-лирические. Близкие к общеевропейским образцам студенческого фольклора, они также тесно связаны с белорусской народно-песенной традицией. Вполне вероятно, что эти песни звучали в дворянских домах Оренбургской губернии, где Томаш Зан был известен как композитор и исполнитель, и обогащали многонациональную и многосоставную музыкальную культуру региона.

Ключевые слова: музыкальная культура Башкирии, поэзия филоматов, польские ссыльные на Южном Урале, студенческий фольклор, Ян Чечот, Томаш Зан

SONGS OF JAN CZECZOT AND TOMASZ ZAN
(STUDYING THE MUSICAL PAST OF THE URAL REGION)

Abstract

The article provides a historical and artistic assessment of song samples created jointly by representatives of Polish-Belarusian culture, Jan Czechot and Tomasz Zahn, during the years of exile in the Southern Urals (1828). The author analyzes the songs which, after almost a hundred years of oblivion (1922), were collected from archival materials and published by Polish philologist Jan Czubek. The scientific novelty of the study lies in the fact that these samples are studied for the first time in a historical context, as well as from the standpoint of musical and poetic content. Song genres are typical of university youth: drinking songs, love and lyrical songs. Close to the pan-European samples of student folklore, they are also closely related to the Belarusian folk song tradition. It is likely that these songs were played in the noble houses of the Orenburg province, where Tomasz Zahn was known as a composer and performer, thereby enriching the multinational and multicomponent musical culture of the region.

Keywords: musical culture of Bashkiria, poetry of the Philomaths, Polish exiles in the Southern Urals, student folklore, Jan Czechot, Tomasz Zan

Ян Чечот (1794–1847) и Томаш Зан (1796–1851) – яркие представители польской и белорусской культуры. Их судьбы переплелись в Виленском университете, где вместе с Адамом Мицкевичем и другими студентами они тесно общались как участники тайного Общества филоматов, нацеленного на формирование польского национального самосознания и патриотическое воспитание через изучение истории, литературы, языка и искусства. Трём его активным членам не удалось избежать суда. В декабре 1824 года Томашу Зану, Яну Чечоту и Адаму Сузину¹ как главным фигурантам судебного процесса был вынесен приговор – год тюремного заключения в крепостях Оренбургской губернии с последующей ссылкой. После освобождения из

¹ Сузин Адам (1799–1879) – магистр философии, член Общества филоматов, близкий друг А. Мицкевича. Находился в заключении в Орской крепости, затем служил в Пограничной комиссии в Оренбурге до освобождения в 1837 году.

тюрьмы Чечот был переведён в Уфу, где под полицейским надзором прожил до 1830 года, а Зан отбывал ссылку в Оренбурге до 1837 года. Ссылные вели активную переписку, встречались, совершали совместные поездки.

«Среди филоматов и всей молодёжи Вильно Ян Чечот являлся признанным “дударём” – автором многих песен, стихов, различных рифмованных поздравлений, сценок» [9, с. 63], – пишет белорусский историк Константин Цвирка. Его песни исполнялись на студенческих собраниях, прогулках, застольях, в дни, когда праздновались именины друзей-филоматов. Примечательно, что в протоколе одного из обвинений Чечота читаем следующее: «Третьим его преступлением было написание и пение патриотических песен» [13, с. 19]. Непосредственность чувства, лёгкий уверенный слог, близкая народной поэзии ритмическая организация делали его стихи привлекательными для пения.

Чечот оказался в ряду многих неизвестных авторов, чьи сочинения со временем фольклоризировались. Он обогатил разноликий и многонациональный студенческий фольклор славянскими музыкально-поэтическими традициями, в первую очередь, белорусскими, нередко указывая на то, какая именно народная мелодия должна стать музыкальной основой для его стихотворений («...петь на мотив кривичан»²). С подобными указаниями был составлен сборник под названием «Зосины песенки. Сборник народных песенок, написанных с музыкой» (1823), который Чечот посвятил своей музе – Зосе Малевской³. В нём содержится двадцать песен, написанных в основном на «национальные мелодии (круг репертуара мелкобуржуазной среды) или народные, которые “жнецы в Новогрудском поют”» [там же, с. 21].

² Цвирка К. След на цаліку. Творчы шлях Яна Чачота // Роднае слова. Мінск, 1995. № 3. С. 18.

³ Зося Малевская была сестрой друга Чечота – Франтишека (Франца) Малевского, впоследствии российского правоведа, публициста, активного общественного деятеля.

Чечот и Зан образовали устойчивый тандем поэта и композитора. Цвирка отмечает: «Томаш Зан тепло приветствовал белорусскоязычное творчество своего друга Яна Чечота. Чтобы дать его произведениям более широкое распространение, он сам сочинял к ним музыку и пел её с друзьями» [10, с. 90]. На некоторые из стихов Чечота Зан откликался мгновенно. Примером тому может служить пение друзей в дни прощания после суда, когда им были разрешены встречи в крепости. Антоний Одынец⁴ вспоминал: «Нас было несколько десятков человек вечером в келье Томаша Зана, куда вскоре вошли Сузин и Чечот. Последний спел под гитару [на которой играл Зан] только что сочинённую им на народном языке песню: “Да лятуць, лятуць да дзікія гусі, / Да нас павязуць да далёкай Русі...”» [цит. по: 9, с. 77].

Польский филолог Ян Чубек в 1922 году опубликовал обширное поэтическое наследие филоматов. В составленном им сборнике имеются пять песен Чечота с музыкой Зана, зафиксированных в нотной записи: “*Precz, precz, nudy, troski!*” («Прочь, прочь, скука, заботы!») “*Badźmy, bracia, weseli...*” («Будем, братья, веселиться...»), “*Przez me podwórze...*” («Чрез моё подворье...»), «*Mamo, mamo kochana...*» («Мама, мама дорогая...») и «*Kosarzu, Kosarzu...*» («Косарь, Косарь...»)⁵. Все они созданы примерно в одно время. Чубек указывает на имеющуюся в нотах пометку: «1828. Ускалык» [14, с. 106], следовательно, песни написаны в годы башкирской ссылки в селениях на реке Ускалык, где в летние месяцы находились Зан и Чечот⁶. После освобождения из тюремного заключения ссыльным было разрешено преподавать, их приглашали в дворянские дома в качестве учителей и гувернёров.

⁴ Одынец Антоний Эдвард (1804–1885) – поэт, переводчик, член Общества филоматов, друг А. Мицкевича. Автор мемуаров «Письма из путешествия».

⁵ Последняя из них стала объектом исследования в статье: Красильников П. В., Карпова Е. К. Поэт и учёный Томаш Зан на Южном Урале // Вестник Саратовской консерватории. Вопросы искусствознания. 2025. № 1 (27).

⁶ Имеется в виду поместье Циолковских Андреевка, куда вместе с семьёй Циолковского в качестве учителя детей выезжал Зан, а также село Петровское, где летом бывал Чечот и куда навестить его приезжали Зан и Сузин [11].

Томаш Зан проживал в Оренбурге, Ян Чечот – в Уфе, они вели переписку, время от времени встречались. Зан был желанным гостем в знатных кругах, пел, сочинял музыку, играл на фортепиано. Чечот вёл более замкнутый образ жизни, погружаясь в работу над литературными произведениями и собственными записями белорусского фольклора.

В 1820–1830-е годы в Оренбургской губернии укреплялись традиции салонной культуры европейского типа. Благодаря появившимся оркестрам в башкирских усадьбах Тимашевых, Селиверстовых, Пекарских, Дурасовых регулярно проводились музыкальные вечера, получило распространение любительское музицирование.

Обратимся к песням Чечота – Зана, созданным на Ускалыке. Быть может, они возникли в память о студенческом братстве филоматов, со времени появления которого прошло десять лет⁷. В этих песнях представлены жанры, типичные для университетской молодёжи: застольные, любовно-лирические [4]. Они близки общеевропейским образцам студенческого фольклора, а также тесно связаны с белорусской народно-песенной традицией.

Поэтический текст застольных “*Precz, precz, nudy, troski!*” и “*Badźmy, bracia, weseli...*” отражает гедонистическую тематику традиционных старинных студенческих песен, начиная с “*Gaudeamus Igitur*” («Так будем веселиться, пока молоды»), “*Ergo Bibamus*” («Так давайте, выпьем»). Их отличает жизнерадостное настроение, энергичный характер. Тексты с возгласами, призывом к веселью рассчитаны на хоровое или ансамблевое исполнение (примеры № 1, 2). В представленных образцах можно наблюдать свойственные музыке европейского быта черты, такие как куплетная форма, квадратная структура, мажорная диатоника, ходы по звукам трезвучия, простейшие гармонические тонико-доминантовые обороты в аккомпанементе.

⁷ Общество филоматов было образовано в 1817 году.

Пример № 1

“Precz, precz, nudy, troski!”

Precz !precz ! nu - dy troski! Hey ! ley ! nek - tar do - ski! Niech iskryle - cą

6 nad szklan - ki dla przy - ja - cól, dla ko - chanki, dla przy - ja - cól dla ko - chanki.

Precz, precz, nudy, troski!	Прочь, прочь, скука, заботы!⁸
Precz, precz, nudy, troski! Hej, lej nektar boski! Niech iskry lecą nad szklanki dla przyjacół, dla kochanki, dla przyjacół, dla kochanki, etc.	Прочь, прочь, скука, заботы! Эй, налейте божественный нектар! Пусть искры летят над стаканами Для друзей, для любимых, Для друзей, для любимых и т. д.

Пример № 2

«Badźmy, bracia, weseli...»

Badź - my, bra - cia, dziś we - se - li, Ja - ko w niebie -

4 siech a - nie - ly, Śpie - wajmy, hu - lajmy i o nic nie dbaj - my

Badźmy, bracia, weseli...	Будем, братья, веселиться...
Badźmy, bracia, dziś weseli, Jako w niebiesiech aniely, Śpiewajmy, hulajmy I o nic nie dbajmy!	Будем, братья, веселиться, Как ангелы на небесах! Будем петь, шуметь И ни о чем не думать!

⁸ Здесь и далее перевод текстов на русский язык выполнен автором статьи.

Подобные интонации типичны для немецких студенческих песен, ставших в Европе неким эталоном [12]. Вместе с тем в мелодиях Зана усматриваются стилевые черты белорусских подвижных народных танцев, близких польке, таких как крыжачок, трясуха, плясушки [1]. Их отличает размер 2/4, моторное движение, повторность ритмических фигур. С. Станкевич пишет о том, что в одной из рукописей рядом с текстом песни “*Precz, precz, nudy, troski!*” имеется пояснение: «Мелодия: “Семь дзён малаціла, чах, чах, зарабіла”, то есть называется конкретная белорусская народная танцевальная песня» [8, с. 56]⁹, и добавляет, что мелодия Зана полностью соответствует народной. Таким образом, созданную на Ускалыке песню можно рассматривать как гармонизацию народной белорусской мелодии, которую Зан обработал в традициях студенческого фольклора.

Непростую историю имеет песня “*Przez me podwórze...*”. Она стала символом несчастной любви Адама Мицкевича и Марии Верещак, о чём написано немало статей [10]¹⁰.

О Марии Верещак известно, что она с юности прислушивалась к белорусским народным песням, делала их записи. Именно Мария обратила внимание Чечота на красоту народной баллады «Свитезь», что стало толчком для его работы в жанрах исторической песни и литературной баллады [там же]. Очевидно, что увлечение фольклором сблизило Верещак и Чечота, о чём свидетельствует их многолетняя переписка.

Мария была очень музыкальна, она играла на фортепиано, пела и занималась сочинением. Чечот высоко оценивал её дар и не раз просил написать музыку к его стихам. Изучив содержание обнаруженных в 2000-е годы писем Чечота к Марии Путкамер (Верещак), историк А. Мальдис

⁹ Имеется в виду рукопись сборника «Зосины песенки», где эта песня приведена под № 3.

¹⁰ Помимо указанной статьи К. Цирки назовём следующие работы : Ландина Л. Адам Мицкевич и Марыля Верещака. История любви // Гаспадыня. 2018. № 8; Каяч Е. Адам и Марыля // Белорусский час. 19 августа. 2022. URL: <https://belchas.lprof.by/news/adam-i-marylya/> и др.

заклучил следующее: «... самое существенное в письмах Чечота, пожалуй, то, что он обращался к Марии Путкамер как к композитору. Послал ей три своих стихотворения – “Радзивилловна”, “Репиха” и “Альдона” – и просил, выбрав одно из них, положить на музыку. “Сроков никаких не назначаю, а фортепиано <...> окажется когда-нибудь под рукой, наконец, однажды появилась бы надежда, что Госпожа подберёт музыку. Какая это будет роскошь...”» [3]. Выполнила ли Верещак просьбу, неизвестно.

Перед расставанием с Мицкевичем Мария спела ему белорусскую народную песню «Летела тетёра». Одынец вспоминал, когда Мицкевич слышал её, то всегда погружался в глубокую печаль [8, с. 59]. Выбор Марии был не случаен. Согласно фольклорной традиции, «Летела тетёра» исполнялась невестой перед свадьбой в том случае, если до жениха «младая имела кавалера» [7, с. 304].

Тетёрка в белорусском фольклоре – птица, олицетворяющая тепло, солнце, женское начало, зарождение жизни. Поэтические образы передают светлую печаль девушки, через двор которой пролетает «весенняя птица», но летит мимо. Традиционны бесхитростные поэтические сравнения («глазки вянут... мои ручки вянут... им цветочки не носить...»), обстановка («выйду на крылечко... висит венок на шёлковом шнурочке, красной ниточке, его младшей сестричке»).

Зная, что значит эта народная песня для Адама и Марии, Чечот написал в Ускалыке стихотворение, в котором сохранил первую строфу из фольклорного источника, а далее развил образ в романтическом духе. Стихотворение Чечота характеризует иной, чем в народной песне, круг поэтических мотивов: примирение с судьбой; стремление к соединению на небесах в духе католической веры; награда за земные мучения (таблица № 1). Чувство глубоко спрятанного страдания было близко самому Чечоту, безответно влюблённому в Зосю Малевскую.

Таблица № 1

Тексты народной песни «Летела тетёра» и одноименного стихотворения Чечота¹¹

«Летела тетёра», белорусская народная песня (перевод с белорусского)	Чечот «Летела тетёра» (перевод с польского)
Чрез моё подворье, Чрез моё подворье Тетёрка летела; Не суди, Боже, Не суди, Боже, Кого я хотела. С кем стояла, Разговаривала Да подарочки брала; Над кем насмехалась, Смеялась, Сама тому досталась. Выйду я на крылечко, Посмотрю на цветочки: Аж мои глазки вянут, Аж мои ручки вянут, Раскройтесь, цветочки, Раскройтесь! Мне цветочки не носить. Я один венец свила И тот повесила В кладовой на пруточке, На шёлковом шнурочке, На красной ниточке, Младшей сестричке.	Чрез моё подворье, Чрез моё подворье Тетёрка летела; Не суди, Боже, Не суди, Боже, Кого себе хотела. Я виновна пред тобой, Я виновна пред тобой, В чём я виновата? Со смирением, Со смирением Я исполню судьбу. Всё пройдёт. Всё пройдёт, Всё закончится: В небесной стране, В небесной стране Дух соединится с духом. Там крылатые, Там крылатые Мы встретимся. И над мирами, И над мирами Мы полетим. ... Там бесконечно Наслаждение. ... За земные страдания, Ждёт щедрая награда. ... Я заставлю себя силой Быть хорошей женой. ... Буду милой, Кому меня судили.

Мальдис, имея в виду ситуацию исполнения народной песни, называет её «трагической» [3]. Именно такое, трагическое, звучание она приобрела в художественной интерпретации Чечота.

В песне Чечота – Зана “*Przez me podwórze...*” начальный мотив несколько раз повторяется как неотвязная мысль. Главным его выразительным элементом становится распев-колоратура (*gruppetto*) – своеобразный «голос птицы» (пример № 3).

¹¹ Перевод с белорусского и польского языка сделан автором статьи.

Пример № 3

«Przez me podwórze...»¹²

Przez me podwórze...	Чрез моё подворье...
Przez me podwórze, Przez me podwórze Cieciera leciała; Nie dales, Boże, Nie dales, Boże, Kogom sobie chciała, etc.	Чрез моё подворье, Чрез моё подворье Тетёрка летела; Не суди, Боже, Не суди, Боже, Кого себе хотела и т. д.

В плане музыкальной формы песня представляет период повторной структуры (*aab a₁a₂b*) в тональности *G-dur*. Партия фортепиано выполняет функцию простой гармонической поддержки. Мелодия в целом не выходит за пределы квинты. Помимо указанного распева, выделяются нисходящие ламентозные интонации, близкие жалобе. В основной мотив включена лидийская ступень (*cis*), создающая резко диссонирующие соединения как с квинтовым тоном (*d*) аккомпанемента, так и с тоникой (*g*). При этом во второй фразе автор заменяет *cis* на *h*, смягчая общий колорит звучания. Обращает на себя внимание окончание песни на II ступени, гармонизованной доминантой, что создаёт впечатление незавершенности. В целом “*Przez me podwórze...*” соединяет черты салонной музыки (в первую очередь это

¹² Комментарий к песне: «Первая строфа является переводом белорусской народной песни, цитируемой Одынцом в “Воспоминаниях из прошлого”» [14, с. 109].

относится к тонико-доминантовому фортепианному сопровождению) с народными мелодическими интонациями.

Близка фольклорной традиции песня “*Mamo, tamo kochana...*” (пример № 4). Лирическое стихотворение, положенное в её основу, – это ласковое обращение девушки к матери, чтобы та не прятала её в доме, чтобы позволила погулять с хлопцами. Чечот использует приём поэтического параллелизма в духе народной поэзии: чувства девушки, её красота сопоставляются с майскими днями, с цветущей розой («Весна проходит быстро, роза цветёт недолго»).

Пример № 4

«*Mamo, tamo kochana...*»

Ma-mo, ma-mo, ko-chana! Nie kryj mię tak w do-mu! Niechaj bę-dę wi-dzia-na,
może zdamsię ko-mu. Już mi chce się z chło-psa-mi po-hulać nie-bo-dze,
Już z tę-skne-mi my-sła-mi po o-gród-ku cho-dzę.

Мамо, мамо kochana...	Мама, мама дорогая...
Mamo, mamo kochana, Nie kryj mię tak w domu! Niechaj będę widziana, Może zdam się komu. Już mi chce się z chłopcami pohulać, niebodze, Już z tęsknemi myślami po ogródku chodzę.	Мама, мама дорогая, Не прячь ты меня в доме! Пусть меня увидят, Может я скажу кому. Уж мне хочется с мальчиками повеселиться, Уж с тоскливыми мыслями я хожу по саду.

Песня имеет жанровые признаки календарно-обрядового фольклора, а именно весеннего хоровода. Типичными являются структуры стиха (4+4+6) [7] и мелодии, основанной на круговом движении. Отметим простую двухчастную форму, тональность *g-moll* (мелодический). Традиционной чертой хороводных песен выступает рефренный мотив, завершающий каждую музыкальную фразу: *ar ar br br*. Как и в предыдущей песне, фортепиано служит гармонической поддержкой, в которой чередуются тоническое и доминантовое трезвучия.

Университетское братство выдержало испытание временем, расстоянием и тяжелейшими поворотами судьбы. Хотя личные отношения Зана и Чечота были непростыми (они оказались соперниками и в чувствах к Зосе Малевской, и в привязанности к Адаму Мицкевичу), творческие контакты композитора и поэта оказались выше взаимных обид. Мечты о далёкой родине, оторванность от близких людей послужили импульсом для появления новых сочинений. Будучи в Польше, они не были близки, но башкирская ссылка их сблизила и способствовала воскрешению в памяти картин беззаботной юности. Застольные песни – тому подтверждение.

Личные переживания, переписка Чечота с Верещак и Мицкевичем, в которой он деликатно сообщал о событиях своей жизни и жизни друга, привели к появлению лирического «памятника» – песне “*Przez te podwórze...*”. В ней запечатлена печальная история несчастной любви, в которой отражена судьба близких поэту людей.

Ранее отмечалось, что Зан хорошо пел, играл на фортепиано и гитаре, писал музыку к собственным стихам. Он был постоянным гостем во многих дворянских домах военной элиты Оренбурга – у Циолковских, Балкашиных, в доме губернатора Перовского. Во время этих визитов он пел польские песни из сборника Немцевича, популярные романсы. Рассмотренные выше песни могли звучать на музыкальных вечерах, в любительских концертах,

обогащая тем самым многонациональную и многосоставную музыкальную жизнь российской провинции.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в углублённом изучении роли ссыльных филоматов в развитии любительских форм музицирования на Южном Урале, их вклада в укрепление профессиональных основ музыкальной культуры региона.

Литература

1. Алексютович Л. К. Белорусские народные танцы, хороводы, игры: учеб. пособие / под ред. М. Я. Гринблата. Минск : Вышэйшая школа, 1978. 528 с.
2. Белецкий С. В. Студенческие песни XIX в. в современном песенном фольклоре // Коломенские чтения : Санкт-Петербург, 17–18 мая 2018 года. СПб. : Лики России, 2019. С. 151–159.
3. Мальдис А. Притягательная сила Парижа // Беларусь сегодня. 02.08.2008. URL: <https://www.sb.by/articles/prityagatel'naya-sila-parizha-2.html> (дата обращения: 20.09.2025).
4. Петри Э. К. Русские студенческие застольные песни: к проблеме контакта культур // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. 2020. № 3 (57). С. 18–32.
5. Фрончек М. У истоков белорусской фольклористики: Ян Чечот // Славянский альманах. 2014. Т. 3 (2013). С. 343–351.
6. Немагай С. Н. Музыкальная спадчына філаматаў і філарэтаў у рукапісных зборніках // Філаматы і філарэты: творчы лёс пакалення ў гісторыі і сучаснасці (да 200-годдзя ўтварэння таварыства): зб. навук. арт. / Нац. акад. навук Беларусі [і інш.]; навук. рэд.: І. Л. Капылоў, І. Э. Багдановіч; адк. рэд. В. У. Міцкевіч. Мінск : Беларуская навука, 2020. С. 53–67.
7. Паўлава А. Уладзімір Урбановіч і яго апісанне вяселля // Беларускі фальклор : матэрыялы і даследаванні : зб. навук. пр. Вып. 8. Мінск : Беларус. навука, 2021. С. 294–319.
8. Станкевіч С. Беларускія элементы ў польскай рамантычнай паэзіі / пераклад М. Хаўстовіч. Вільня; Беласток : Інстытут беларусістыкі; Беларускае гістарычнае таварыства, 2010. 211 с.
9. Цвірка К. А. Камяні тых сядзібаў: шляхі паэтаў XIX стагоддзя. Мінск : Мастацкая літаратура, 2004. 221 с.
10. Цвірка К. А. Там возера Свіцязь, як шыбіна лёду... // Лісце забытых аляяў : Эсе / маст. В. Тарасаў. Мінск : Маст. літ., 1993. 160 с.
11. Archiwum Filomatów : т. II : Listy z zesłania : krąg Tomasza Zana, Jana Czczota i Adama Suzina / zebrał, oprac. i wstępom Z. Sudolski. Warszawa : ANCHER, 1999. 599 s.
12. Deutsche Studentenlieder : mit einer volkstümlichen Gitarrebegleitung aus dem Stegreif zu spielen / hrsg. von Heinrich Scherrer. Leipzig : Hofmeister, 1921. 64 s.

13. Pacholak M. Listy Jana Czeczota. Faktografia w manuskryptach // *Prace Literackie*. 2020. T. 59, № 1. S. 5–55.
14. Poezja filomatów / wydał Jan Czubek. Kraków : Nak. Polskiej Akademji Umiejętności, 1922. T. 1. 150 s.

References

1. Aleks'iutovich L. K. *Belorusskie narodnye tantsy, khorovody, igry: uchebnoe posobie* [Belarusian Folk Dances, Round Dances, Games: Studies. the manual]. Edited by M. J. Grinblat. Minsk : Vyssheia shkola, 1978. 528 p. (In Russ.)
2. Beletskii S. V. *Studencheskie pesni XIX v. v sovremennom pesennom fol'klore* [Student Songs of the 19th Century in Modern Song Folklore]. *Kolomenskie chteniya : Sankt-Peterburg, 17–18 maya 2018 g.* [Kolomna Readings: St. Petersburg, May 17–18, 2018] St. Peterburg : Liki Rossii, 2019, pp. 151–159. (In Russ.)
3. Maldis A. *Prityagatel'naya sila Parizha* [The Attractive Power of Paris] *Belarus' segodnya*. 02.08.2008 [Belarus Today. 02.08.2008]. URL: <https://www.sb.by/articles/prityagatel'naya-sila-parizha-2.html> (28.07.2025). (In Russ.)
4. Nemahai S. N. *Muzychnaia spadchyna filamatav i filaretav u rukapysnykh zbornikakh* [The Musical Heritage of the Philomaths and Filarets in Handwritten Collections]. *Filamaty i filarety: tvorchy los pakalennia u history i suchasnaschi (da 200-hoddzia utvarennia tavarystva) : zbr. navuk. art.* [Philomaths and Filarets: the Creative Fate of a Generation in History and Modernity (to Mark the 200th Anniversary of the Formation of the Society): Collection of Sciences. art.]. Ed.: I. L. Kopylov, I. E. Bogdanovich; Ed. by V. V. Mickiewicz. Minsk : Belarus'kaia navuka, 2020. S. 53–67. (In Belarus.)
5. Paŭlava A. *Uladzimir Urbanovich i jaho apisanne viesiella* [Vladimir Urbanovich and His Description of the Wedding]. *Bielaruski falklor: materialy i dasledavannia : zbr. navuk. pr.* [Belarusian Folklore: Materials and Research: Collection of Sciences]. Issue 8. Minsk : Bielaruskaia navuka, 2021. S. 294–319. (In Belarus.)
6. Petri E. K. *Russkie studencheskie zastol'nye pesni: k probleme kontakta kultur* // Aktual'nye problemy vysshego muzykal'nogo obrazovaniia. 2020. No. 3 (57). S. 18–32. (In Russ.)
7. Stankevich S. *Belarusskie elementy v pol'skoj romanticheskoi poezii* [Belarusian Elements in Polish Romantic Poetry]. Trans. by M. Khaustovich. Vil'nia; Bialystok : Institut belarusistyki; Belarusskoe istoricheskoe tovarishchestvo, 2010. 211 s. (In Belarus.)
8. Frontchek M. *U istokov belarusskoi fol'kloristiki: Ian Chechot* [At the Origins of Belarusian Folklore Study: Jan Chechot]. *Slovanskiĭ al'manakh* [Slavic Almanac]. 2014. Volume 3 (2013), pp. 343–351. (In Russ.)
9. Cvirka K. A. *Kamiani tykh siadziabau: shliakhi poetau XIX stahoddzia* [The Stones of Those Estates: Paths of Poets of the 19th Century]. Minsk : Mastatskaia literatura, 2004. 221 s. (In Belarus.)
10. Cvirka, K. A. *Tam vozera Sviatsiaz', iak shybina liedu...* [Lake Svityaz is There, Like a Glass of Ice ...] *Lischse zabytych aleiaŭ: Ese* [Leaves of Forgotten Oils: Essay]. Mast. V. Tarasov. Minsk : Mast. lit., 1993. 160 s. (In Belarus.)
11. *Archiwum Filomatów* : t. II : Listy z zesłania : krąg Tomasza Zana, Jana Czeczota i Adama Suzina / zebrał, oprac. i wstępom Z. Sudolski. Warszawa : ANCHER, 1999. 599 s.

12. *Deutsche Studentenlieder : mit einer volkstümlichen Gitarrebegleitung aus dem Stegreif zu spielen* / hrsg. Von Heinrich Scherrer. – Leipzig : Hofmeister, 1921. 64 s.
13. Pacholak M. Listy Jana Czeczota. Faktografia w manuskryptach. *Prace Literackie*. 2020. T. 59, No. 1. S. 5–55.
14. Poezja filomatów / wydał Jan Czubek. Kraków : Nakł. Polskiej Akademii Umiejętności, 1922. T. 1. 150 s.

Получено: 28.07.2025

Принято к публикации: 30.09.2025

Дата публикации: 07.10.2025

Received: 28.07.2025

Accepted: 30.09.2025

Accepted: 07.10.2025